БАРХАТ И ПЕПЕЛ

НЕВЕСТА МОЕГО СЫНА

ЕЛЕНА КОПС

18+

Елена Копс

Невеста моего сына
(Бархат и пепел)

«Автор»
2026

Копс Е.

Невеста моего сына (Бархат и пепел) / Е. Копс — «Автор», 2026

Три года Алиса старалась быть идеальной невестой: тихой, удобной, не задающей лишних вопросов. В награду за покорность за неделю до свадьбы жених бросил ее в ресторане, назвав «фарфоровой статуэткой», с которой скучно в постели. Попытка заглушить боль в закрытом клубе чувственных практик оборачивается роковой встречей. Хозяином этого места оказывается Константин Воронцов — отец ее бывшего жениха. Властный, проницательный мужчина на двадцать два года старше. Он видит в зажатой девушке скрытый огонь и предлагает ей опасный урок раскрепощения. Но одна ночь в полумраке клуба перерастает в наваждение, когда Алиса получает заказ на реставрацию его старинного особняка. Теперь им предстоит работать бок о бок, скрывая связь, которая способна уничтожить репутацию обоих — особенно когда блудный сын решит вернуть ту, от кого так легко отказался. Первая книга чувственной трилогии Бархат и пепел

© Копс Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Правильная девочка 5
Глава 2. За фасадом особняка 10
Глава 3. Нарушение правил 13
Глава 4. Первый урок 17
Глава 5. Снятие брони 20
Глава 6. Дневной свет 24
Глава 7. Вынужденная близость 28
Глава 8. Краска и золото 32
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Елена Копс
Невеста моего сына (Бархат и пепел)

Глава 1. Правильная девочка

Счет за ужин принесли в кожаной папке с золотым тиснением, и первое, о чем я подумала, глядя на нее: у Артема на столе лежит точно такой же ежедневник, только чуть поменьше. Странная, совершенно ненужная мысль в момент, когда твоя жизнь за три минуты рассыпается на мелкие куски.

В ресторане было тихо. Пятничный вечер только начинался, зал на Патриарших еще не успел заполниться, и официанты двигались между столиками почти бесшумно. За окном накрапывал мелкий серый дождь, фонари расплывались на мокром асфальте желтыми пятнами, а на моей тарелке остывал сибас, к которому я так и не притронулась.

Артем отпил минеральной воды, поставил стакан ровно на бумажную салфетку и посмотрел на меня так, словно мы обсуждали не свадьбу, назначенную на следующую субботу, а перенос квартального отчета.

– Алис, давай без сцен, ладно? – сказал он спокойно, даже с легкой усталостью в голосе. – Я все обдумал. Лучше остановить это сейчас, чем через год разводиться со скандалом и делить имущество.

Я моргнула. Пальцы, лежавшие на коленях, мгновенно стали ледяными, но спину я по привычке выпрямила. Мама с детства повторяла, что воспитанные девушки не сутулятся и не повышают голос в общественных местах.

– Я не понимаю, – тихо сказала я, чувствуя, как пересохло в горле. – Мы вчера утвердили рассадку гостей. Твоя мама звонила утром насчет флористики. Что случилось, Артем?

Он поморщился. Не зло, скорее брезгливо, как человек, которому приходится объяснять очевидные вещи ребенку.

– Ничего не случилось. В том-то и проблема, Алис. За три года вообще ничего не случилось. Ты хорошая, правда. Добрая, тихая, с тобой не стыдно прийти на любой прием, отец тобой доволен, друзья считают, что мне повезло. Ты идеальная картинка для семейного альбома.

Он сделал паузу, покрутил на пальце печатку и поднял на меня взгляд. В его карих глазах не было ни капли вины. Только облегчение человека, который наконец-то скинул неудобную ношу.

– Но я больше не могу, – продолжил он ровным, будничным тоном. – Мне двадцать шесть, Алиса. Я хочу жить, хочу огня, хочу, чтобы у меня крышу сносило, когда я домой возвращаюсь. А с тобой в постели хочется просто уснуть. Ты же как фарфоровая статуэтка – красивая, правильная, но совершенно мертвая и скучная. Лежишь, глаза закрываешь, дышать боишься. Я не хочу так следующие тридцать лет.

Я сидела и смотрела на его идеально подстриженные ногти. В ушах зашумело, будто кто-то резко выкрутил громкость фоновой музыки на максимум, а потом сразу выключил звук. Внутри все словно сжалось в тугой, холодный комок, и стало очень пусто.

Мертвая. Скучная.

Три года я старалась не быть обузой. Не звонила лишний раз, когда он задерживался на встречах с партнерами. Улыбалась его друзьям, даже когда их шутки казались мне пошлыми. В постели терпеливо ждала, пока он закончит, стараясь не шевелиться слишком резко и не издавать громких звуков, чтобы не показаться вульгарной или требовательной. Мне казалось, что так и выглядит любовь – тихая, удобная, без лишних претензий. Оказалось, все это время я просто вызывала у него зевоту.

– Понятно, – услышала я собственный голос. Он звучал удивительно ровно, даже вежливо. – Извини, что... что так вышло.

Артем на секунду растерялся. Видимо, он готовился к слезам, битью посуды или хотя бы упрекам, а наткнулся на привычную покорность.

– Не надо извиняться, – пробормотал он, отводя взгляд к окну. – Я закрыл счет. И ресторану за банкет неустойку я сам оплачу, не переживай. Платье... ну, можешь оставить себе, деньги не проблема.

Я медленно стянула с безымянного пальца кольцо с тонким бриллиантом. Кожа под ним оказалась бледной и чуть вдавленной. Положила кольцо рядом с нетронутой салфеткой – металл тихо звякнул о фарфор тарелки.

– Я соберу твои вещи и передам через консьержа завтра утром, – сказала я, поднимаясь из-за стола. Колени слегка дрожали, но я заставила себя идти к выходу медленно, не оглядываясь и не цепляясь за спинки стульев.

Уже на улице, под козырьком ресторана, я вдруг поймала себя на том, что судорожно ищу в сумке телефон, чтобы позвонить маме и предупредить об отмене банкета. Палец завис над экраном. Я представила мамин голос – сначала растерянный, потом переходящий в панический крик: «Что ты наделала?! Такого мальчика упустила! Сын Воронцова, из такой семьи, да ты себе локти кусать будешь! Надо немедленно поехать к нему и поговорить!»

Я выключила экран и убрала телефон обратно в сумку. Впервые за двадцать четыре года я не стала звонить маме за инструкциями.

До съемной квартиры на Тишинке я доехала на такси. Всю дорогу водитель слушал какое-то разговорное радио, бубнившее о пробках на Садовом, а я смотрела на свое отражение в темном стекле и пыталась понять, почему мне совсем не хочется плакать. В груди стояла тяжелая, глухая вата. Ни злости, ни обиды – только липкое чувство стыда, словно меня раздели посреди оживленной площади и громко объявили в микрофон, что я бракованная.

Дома пахло лавандовым саше и свежей бумагой. В коридоре, прямо напротив входной двери, висел плотный белый чехол со свадебным платьем, которое мы забирали из салона три дня назад. На тумбочке у зеркала лежала стопка кремовых конвертов с каллиграфией – не отправленные приглашения для дальних родственников.

Я сняла мокрые туфли, повесила пальто на крючок и прошла на кухню. Поставила чайник, достала кружку, но так и не насыпала заварку. Просто села на табурет у окна, положила локти на стол и уставилась в темноту двора.

Телефон в сумке завибрировал. Один раз, второй, третий. Потом раздался звонок. Я нехотя дотянулась до сумки и глянула на экран – звонила Марина.

Мы дружили еще с художественного училища, хотя выбрали совсем разные дороги. Я ушла в реставрацию станковой живописи, где нужно неделями сидеть с лупой и тончайшими кистями, снимая по миллиметру потемневший лак с чужих холстов. А Марина бросила академический рисунок на третьем курсе и стала стилистом – яркой, шумной, вечно куда-то бегущей женщиной, которая знала половину светской Москвы и могла за пять минут собрать образ для обложки глянца из куска шторы и булавки.

– Алиска, привет! – бодро затараторила она в трубку, едва я нажала кнопку ответа. – Слушай, я завтра еду мимо тебя со съемки, могу завезти туфли, которые мы подбирали для второго дня... Эй, ты чего молчишь? У тебя голос как из склепа.

– Свадьбы не будет, Марин, – сказала я, глядя на капли дождя на карнизе.

В трубке на секунду повисла тишина, потом раздался приглушенный скрип тормозов – Марина явно припарковалась у обочины.

– В смысле не будет? Артем в командировку улетел?

– Он меня бросил. Прямо сейчас, в ресторане. Сказал, что я идеальная для семейного альбома, но в постели со мной хочется уснуть. Что я мертвая и скучная.

Слова прозвучали в пустой кухне особенно мерзко. Я наконец-то сглотнула подступивший к горлу комок и зажмурилась.

– Вот же сукин сын, – тихо, с ледяным бешенством выдохнула Марина. – Сиди на месте. Никуда не выходи, матери не звони, валерьянку не пей. Буду через двадцать минут.

Она приехала через семнадцать. Влетела в квартиру в кожаном тренче, с огромным бумажным пакетом в одной руке и бутылкой сухого просекко в другой. Оглядела прихожую, фыркнула на белый чехол со свадебным платьем и решительно прошла на кухню.

– Так, – скомандовала Марина, сбрасывая тренч на спинку стула и доставая из шкафчика два бокала. – Сразу предупреждаю: если ты сейчас начнешь говорить, что сама виновата и надо было больше стараться, я вылью это вино тебе на голову. Ты слышала?

– Слышала, – я слабо дернула уголком губ, но улыбки не вышло. – Марин, я правда не хочу скандалить. Просто... знаешь, самое ужасное, что он ведь прав.

Марина замерла с бутылкой в руках и уставилась на меня так, будто я только что призналась в ограблении банка.

– Ты серьезно сейчас? Алиса, ты себя вообще видела? У тебя фигура как с полотен Рубенса, только в миниатюре, глаза на пол-лица, кожа светится. То, что ты заматываешься в эти свои бесформенные свитера размера оверсайз и ходишь с пучком на голове, заколотым кисточкой, – это не потому, что ты скучная. Это потому, что твоя матушка с пяти лет вбивала тебе в голову, что выделяться неприлично, а твой драгоценный Артем искал себе удобную мебель, которая не задает лишних вопросов!

Она с хлопком открыла бутылку, разлила вино по бокалам и придвинула один ко мне.

– Пей. До дна.

Я сделала пару глотков. Холодные пузырьки обожгли горло, в голове чуть прояснилось, но тяжесть в груди никуда не делась.

– Я три года пыталась быть правильной, – тихо сказала я, крутя ножку бокала пальцами. – Не спорить, не требовать, не мешать. А в итоге оказалось, что все это вообще никому не нужно. Если я даже самого близкого человека не смогла удержать...

– Он не близкий человек, он избалованный мажор на папиных деньгах, – отрезала Марина. Она села напротив, оперлась подбородком на сцепленные руки и внимательно посмотрела на меня. – Знаешь, что меня сейчас пугает больше всего? То, что ты не орешь. Если бы ты сейчас ревела или рвала это дурацкое платье на тряпки, я бы успокоилась. А ты сидишь и тихо уходишь в себя. Завтра ты проснешься, решишь, что тебе вообще нельзя приближаться к мужчинам, и похоронишь себя в своей мастерской до пенсии.

– Мне там спокойно, – пробормотала я. – Там все понятно. Если краска потемнела, ты знаешь, какой растворитель взять.

– Вот именно. А в жизни ты растворитель подбирать не умеешь, потому что ни разу себе ничего не разрешала.

Марина полезла в карман своего тренча и вытащила оттуда тяжелый плотный конверт из матового черного картона. На лицевой стороне не было ни имени, ни адреса – только тисненый серебром вензель из двух переплетенных букв и крошечный адрес в переулке неподалеку от Пречистенки.

Она положила конверт на стол прямо передо мной.

– Что это? – спросила я, нахмурившись.

– Билет в другую реальность, подруга. Мне его вчера отдал один мой клиент, арт-директор крупного холдинга, в качестве благодарности за срочную съемку. Это закрытый клуб «Бархат и Пепел». Туда не пускают с улицы, там не работают деньги, и туда невозможно попасть без личной рекомендации и проверки службы безопасности. Это пропуск на одного человека на сегодня и завтра, с открытой датой входа.

Я покосилась на черный картон с опаской.

– Это что, какой-то подпольный притон? Марин, ты в своем уме?

– Не смеши меня, какой притон, – фыркнула она. – Это самое закрытое и эстетичное место в городе. Клуб чувственных практик и закрытых вечеров. Там собираются люди, которые устали от светского вранья и хотят просто быть собой без осуждения. Главное правило – полная анонимность, никаких имен, никаких телефонов и абсолютное согласие на все. Никто к тебе даже на метр не подойдёт, если ты сама не дашь знак.

– Зачем мне туда идти? – я отодвинула конверт на пару сантиметров. – Чтобы сидеть в углу и чувствовать себя еще более убогой на фоне раскрепощенных красоток?

– Чтобы вспомнить, что ты женщина, а не приложение к свадебному банкету! – Марина стукнула ладонью по столу. – Послушай меня внимательно. Если ты сегодня останешься в этой квартире, ты всю ночь будешь прокручивать в голове слова этого придурка. А так ты поедешь туда, выпьешь один бокал хорошего вина в полумраке, посмотришь на взрослых, красивых людей, которые не стыдятся своих желаний, и через час вернешься домой. Никто не заставляет тебя с кем-то знакомиться или тем более ложиться в постель. Просто выйди из своей стерильной клетки.

Я посмотрела на конверт, потом на белый чехол свадебного платья, видневшийся из коридора. Мысль о том, чтобы остаться здесь наедине с этими кремовыми приглашениями и тишиной, вдруг вызвала острую тошноту.

– Я даже надеть ничего нормального не смогу, – слабо сопротивлялась я. – У меня одни водолазки и брюки.

Марина победно усмехнулась и кивнула на большой бумажный пакет, который принесла с собой.

– А ты думаешь, почему я приехала с баулом? У меня в машине лежали вещи после вчерашней съемки для вечернего выпуска. Там есть одно платье, которое сядет на тебя как вторая кожа. Идем в ванную, у нас сорок минут, чтобы превратить скромную реставраторшу в женщину, от которой у нормальных мужчин перехватывает дыхание.

Я не успела возразить – Марина уже тащила меня за руку из кухни, не оставляя ни единого шанса передумать.

Через сорок минут я стояла перед зеркалом в прихожей и с трудом узнавала собственное отражение.

Платье было из тяжелого, плотного черного шелка с матовым отливом. Никаких страз или дешевых кружев, но крой оказался таким, что у меня перехватило дыхание: тонкие бретели, глубокий, но строгий вырез каре, открывающий ключицы и верхнюю линию груди, и идеальная посадка по талии и бедрам, доходящая до середины икры. Оно не кричало о доступности, но не оставляло ни малейшего шанса скрыть фигуру.

Марина забрала мою привычную деревянную шпильку, которой я закалывала волосы на работе, и распустила их. Густые каштаново-медные пряди легли на плечи тяжелыми мягкими волнами. На губы она нанесла приглушенный ягодный тинт, а на запястья капнула свои духи с запахом горького миндаля и ванили.

– Вот теперь посмотри на себя, – тихо сказала Марина, стоя у меня за спиной и положив руки мне на плечи. – И попробуй еще раз сказать, что ты скучная.

В зеркале на меня смотрела незнакомая девушка с большими зелеными глазами, слегка раскрасневшимися щеками и непривычно прямой спиной. Мне было страшно до дрожи в кончиках пальцев, но впервые за весь этот бесконечный вечер внутри зашевелилось странное, почти забытое упрямство.

– Если мне там станет не по себе, я уеду через десять минут, – предупредила я, беря со столика маленький черный клатч и пряча туда приглашение.

– Договорились. Такси уже у подъезда, я вызвала комфорт-класс, чтобы ты не мерзла под дождем. Напиши мне, когда вернешься домой.

Внизу, у подъезда, меня ждал темный седан. Когда машина тронулась и поплыла по мокрым, блестящим от фонарей улицам центра, я прислонилась лбом к прохладному стеклу. Сердце колотилось где-то в горле. Я понятия не имела, что ждет меня за закрытыми дверями этого клуба, но одно знала точно: возвращаться в ту тихую, послушную жизнь, которой я жила еще три часа назад, я больше не хочу.

Глава 2. За фасадом особняка

Такси остановилось в тихом, узком переулке в пяти минутах ходьбы от Пречистенки. Здесь не было ни витрин магазинов, ни гула магистралей – только старые липы с облетевшими ветвями, кованые фонари и фасады доходных домов конца девятнадцатого века.

Я расплатилась с водителем, вышла на мокрый тротуар и поправила пальто, стараясь унять мелкую дрожь в коленях. Передо мной стоял двухэтажный особняк бледно-песочного цвета с белыми лепными наличниками, полукруглыми окнами первого этажа и тяжелой дубовой дверью без единой вывески. Лишь справа от входа, на уровне глаз, тускло поблескивала небольшая латунная табличка размером с ладонь, на которой без всяких пояснений были выгравированы две переплетенные буквы.

Как реставратор, я невольно задержала взгляд на фасаде. Кладка была восстановлена безупречно: никакой грубой современной штукатурки, сохранены все оригинальные карнизы и барельефы над входной группой. Кто-то вложил в это здание не просто огромные деньги, но и редкое, почти трепетное уважение к истории. Этот спокойный, академический облик особняка совершенно не вязался с тем, что рассказывала о нем Марина.

На секунду мне захотелось развернуться и пойти пешком до метро. Сказать себе, что я попробовала, доехала до двери, и этого достаточно. Но в голове тут же всплыл снисходительный, скучающий тон Артема за столиком ресторана. Я сжала зубы, поднялась по трем широким гранитным ступеням и нажала на латунную кнопку звонка.

Тяжелая дверь открылась почти бесшумно. На пороге стоял мужчина в темном костюме с безупречной выправкой – не громила из ночного клуба, а скорее сотрудник закрытого дипломатического протокола.

– Добрый вечер, – негромко произнес он, оценивающе, но без малейшей наглости скользнув по мне взглядом. – Ваше приглашение, пожалуйста.

Я достала из клатча черный конверт и протянула ему. Мужчина аккуратно извлек карточку, поднес ее к компактному считывателю, скрытому за косяком двери, и, дождавшись тихого зеленого сигнала, едва заметно кивнул.

– Добро пожаловать в «Бархат и Пепел». Проходите в холл, администратор проводит вас.

Внутри царила плотная, обволакивающая тишина, резко отсекавшая шум города. Небольшой вестибюль был отделан темным орехом и матовым серым камнем. Навстречу мне вышла стройная женщина лет тридцати с гладким темным пучком на затылке, в строгом графитовом костюме. У нее были холодные, очень внимательные янтарные глаза и спокойная, уверенная пластика.

– Добрый вечер, – сказала она ровным, чуть хрипловатым голосом. – Меня зовут Ева, я управляющая клуба. Поскольку вы у нас впервые, позвольте напомнить три наших главных правила. Первое: внутри мы не используем настоящие имена, не спрашиваем о статусе и профессии. Второе: любые телефоны и устройства с камерами остаются в индивидуальных ячейках гардероба. И третье, самое важное: в «Бархате и Пепле» действует закон абсолютного согласия. Слово «нет» или кодовое слово «пепел» останавливают любое взаимодействие мгновенно и без объяснений. Вам все понятно?

– Да, вполне, – ответила я, удивляясь тому, как спокойно и уважительно здесь разговаривают. Никакой сальности, никаких двусмысленных намеков – ощущение было такое, словно я пришла на закрытый аукцион редких книг.

Я сдала пальто и телефон гардеробщику, получив взамен тяжелый черный браслет с металлическим замочком на запястье, и шагнула вслед за Евой за тяжелую портьеру из плотного темно-бордового бархата.

Как только ткань сомкнулась за спиной, атмосфера изменилась настолько резко, что у меня перехватило дыхание.

Огромный зал с высокими сводчатыми потолками тонул в теплом, вязком полумраке. Никакого яркого верхнего света – только скрытая янтарная подсветка вдоль старинной кирпичной кладки, низкие светильники на столиках и мерцание настоящих свечей в высоких кованых подсвечниках. В воздухе стоял сложный, густой аромат: дорогой табак, кедр, пряный кардамон, женские духи и легкий запах свежего воска. Откуда-то сверху, с балкона второго этажа, лилась медленная, гипнотическая музыка с глубоким, вибрирующим басом, который ощущался не столько ушами, сколько кожей и кончиками пальцев.

Пространство было разделено на несколько уровней полупрозрачными темными ширмами и глубокими нишами с бархатными диванами. В дальнем углу, за кованой перегородкой, я мельком увидела силуэт мужчины, склонившегося над женщиной в кресле: он медленно, почти ритуально завязывал шелковую ленту на ее запястьях, а она смотрела на него снизу вверх с таким выражением чистого, бесстыдного обожания, что у меня внизу живота вдруг сладко и горячо потянуло.

Я мгновенно отвела взгляд, чувствуя, как горячая волна румянца заливает шею и грудь. Господи, куда я вообще пришла.

– Барная стойка прямо по курсу, – негромко сказала Ева, заметив мое замешательство, но не подав виду. – Если почувствуете дискомфорт или захотите уйти – просто подойдите к любому сотруднику у выхода. Приятного вечера.

Она растворилась в полумраке так же бесшумно, как появилась, а я осталась стоять на краю зала, сжимая в руке маленький клатч как спасательный круг.

Людей было немного – человек двадцать пять или тридцать на весь огромный зал, и это создавало ощущение камерности и скрытой, концентрированной энергии. Никто не кричал, не напивался и не пялился в упор. Пары в нишах разговаривали вполголоса, прикасались друг к другу медленно, без суеты и стеснения. У каждого в этом зале была своя история, свои желания и право на них. И только я стояла здесь в чужом шелковом платье, с дурацкой историей брошенной невесты за плечами, чувствуя себя школьницей, случайно забредшей на закрытый прием для взрослых.

Чтобы не стоять столбом посреди прохода, я быстро прошла к длинной барной стойке из темного полированного мрамора и села на высокий стул с самого края, ближе к выходу.

– Что для вас приготовить? – спросил бармен, мужчина средних лет в черном жилете, протирая бокал.

– Просто сухое белое вино. Или тоник со льдом. Давайте тоник, пожалуйста.

Мне нужно было держать голову абсолютно ясной. И нужно было занять чем-то руки, которые предательски подрагивали.

Когда передо мной поставили тяжелый хрустальный стакан с тоником и долькой лайма, я обхватила его обеими ладонями, впитывая холод стекла. Попыталась выровнять дыхание. «Десять минут, – уговаривала я себя, глядя на пузырьки в стакане. – Я просто допью этот стакан, докажу сама себе, что не сбежала от порога, и спокойно поеду домой».

Но чем дольше я сидела у стойки, тем сильнее накатывало чувство собственной неуместности. Неподалеку, на угловом диване, мужчина в расстегнутой на две пуговицы черной рубашке что-то тихо шептал на ухо девушке, сидевшей у него на коленях; его крупная ладонь уверенно лежала у нее на талии, сдвигая тонкую бретель платья с плеча. Девушка тихо рассмеялась, запрокинула голову и сама потянулась к его губам.

Я отвернулась к барной стойке, и в горле снова встал горький комок. У них это получалось так легко, естественно, без страха показаться неправильными или смешными. А я даже здесь, где никто не знал моего имени, сидела вжав голову в плечи и боялась лишний раз поше-

велиться, чтобы платье не задралось выше колена. Артем был прав. Я действительно не умею жить. Я умею только терпеть, подстраиваться и молчать.

Я сделала большой глоток ледяного тоника, поставила стакан на мраморную столешницу и потянулась за клатчем. Хватит. Эксперимент провалился. Надо забрать пальто и уехать, пока я не расплакалась прямо здесь, у всех на глазах.

В этот самый момент пространство справа от меня у барной стойки мягко сдвинулось. Кто-то подошел и остановился совсем рядом, в полуметре от моего стула.

Я не подняла головы, уставившись в свой стакан и пытаясь незаметно смахнуть влагу с ресниц. Краем глаза я видела только безупречно сидящий черный пиджак из тонкой шерсти, белую манжету сорочки, выглядывающую из-под рукава, и крупную, загорелую мужскую руку с длинными пальцами и тяжелыми механическими часами на запястье, которая легла на край мраморной стойки. От мужчины пахло терпким кедром, бергамотом и дорогой кожей – запахом спокойной, неприступной силы, от которого у меня по спине пробежал странный, колючий ток.

– Двойной эспрессо без сахара, – произнес он негромко.

Голос был низким, бархатным и до жути знакомым.

У меня похолодели пальцы. Я замерла с клатчем в руке, не решаясь повернуть голову. В полумраке зала музыка на секунду стихла, переходя в следующую композицию, и в этой короткой паузе я физически почувствовала, как взгляд мужчины медленно скользнул по моему профилю, задержался на открытой линии плеча, опустился на зажатые в замок пальцы и снова вернулся к лицу.

Он замер. Даже бармен, ставивший перед ним чашку, на долю секунды замешкался, уловив резкую перемену в его позе.

Я заставила себя поднять глаза.

В тусклом янтарном свете бра на меня смотрел высокий, широкоплечий мужчина лет сорока шести с темными волосами, тронутыми четкой благородной проседью на висках, резкими скулами и короткой аккуратной щетиной. Его серо-стальные глаза, обычно спокойные и чуть отстраненные, сейчас были прикованы ко мне с таким тяжелым, пронзительным недоумением, словно он увидел призрака.

Кровь мгновенно отхлынула от моего лица, а потом с такой силой ударила в щеки и шею, что мне стало трудно дышать.

Константин. Константин Воронцов.

Отец Артема. Человек, с которым я за три года виделась от силы пять раз на официальных семейных ужинах, перед которым всегда робела из-за его пугающей проницательности и молчаливого авторитета, и который через неделю должен был вести меня к столу для поздравлений на нашей с Артемом свадьбе.

Он узнал меня первым. И в эту секунду, глядя в его потемневшие, невероятно внимательные стальные глаза, я поняла, что сбежать незамеченной у меня уже не получится.

Глава 3. Нарушение правил

Пятничный вечер в «Бархате и Пепле» обычно начинался для меня одинаково. В одиннадцать я спускался из кабинета на втором этаже в основной зал, обходил периметр, перебрасывался парой фраз с барменом Игорем, чтобы убедиться, что в зале нет случайных людей с улицы, и уходил обратно к бумагам. За шесть лет работы клуба система отбора гостей наладилась настолько, что мое личное вмешательство требовалось от силы пару раз в год.

Когда я подошел к дальнему краю мраморной стойки и заказал двойной эспрессо без сахара, внимание зацепилось за девушку на соседнем стуле чисто автоматически. Профессиональная привычка. Слишком прямая, напряженная спина, плечи слегка сведены вперед, будто она ждет удара, пальцы мертвой хваткой вцепились в маленький черный клатч. В нашем зале люди так не сидят. Сюда приходят выдохнуть, сбросить дневную броню, а эта девушка выглядела так, словно ее против воли вытолкнули на сцену без репетиции.

Я скользнул взглядом по ее профилю. Медно-каштановые волосы распущены и мягкими волнами падают на открытые ключицы. Черный матовый шелк платья облегает тонкую талию и мягкую линию бедер. На запястье застегнут наш гостевой браслет, значит, контроль на входе она прошла легально, по чьему-то закрытому приглашению.

А потом она повернула голову и подняла на меня глаза.

Чашка с кофе звякнула о блюдце, когда Игорь поставил ее на стойку, но я этого почти не услышал. Внутри на секунду стало очень тихо, как бывает на ринге сразу после пропущенного удара в солнечное сплетение, когда воздух еще не вернулся в легкие.

Алиса. Алиса Белова. Невеста моего сына. Девушка, которую я через восемь дней должен был поздравлять на свадебном банкете в загородном ресторане.

Первой мыслью было – ошибка. Освещение в зале слишком тусклое, я устал за неделю, мне просто почудилось знакомое лицо. Но нет. Эти большие зеленые глаза, чуть вздернутый нос, родинка у самого уголка губ и вспыхнувший мгновенно, заливший шею и ключицы густой румянец спутать было невозможно.

Я заставил лицо остаться непроницаемым. За двадцать лет в бизнесе я научился не дергать ни одним мускулом, даже если у меня на глазах рушится сделка на сотни миллионов. Но внутри заворочалось тяжелое, холодное раздражение, смешанное с острой тревогой.

Устав «Бархата и Пепла», который мы с Евой и Демидом писали сами и которым гордились, запрещал любые пересечения личной жизни владельцев с гостями клуба. Никаких родственников, никаких деловых партнеров, никаких знакомых из внешнего круга. Если Ева сейчас выйдет в зал, сложит два и два и поймет, что в закрытом секс-клубе сидит без пяти минут невестка совладельца, вопросов не оберешься. По всем правилам я обязан был прямо сейчас вежливо извиниться, вывести Алису через служебный выход и посадить в такси.

Я уже открыл рот, чтобы сделать именно это, но задержал взгляд на ее лице чуть дольше.

На ресницах блестела влага, которую она отчаянно пыталась сдержать. Нижняя губа мелко подрагивала, хотя Алиса изо всех сил закусывала ее изнутри. Вся ее поза кричала не о дешевом любопытстве и уж точно не о желании развлечься перед девичником. Она выглядела сломленной. Так выглядят люди, которым час назад сообщили о смерти близкого, и они по инерции двигаются дальше, потому что мозг еще не успел переварить случившееся.

В груди неприятно кольнуло. Где Артем? Почему она здесь одна в пятницу вечером, в чужом откровенном платье, с таким взглядом, будто ее только что вываляли в грязи?

Я перевел взгляд на Игоря. Бармен смотрел на меня с легким вопросом – он слишком хорошо меня знал и сразу считал, что-то пошло не по плану.

– Отмени кофе, – негромко сказал я, не повышая голоса, чтобы не привлекать внимания пары на ближайшем диване. – Сделай чайник травяного чая с мятой и чабрецом. И принеси в северную гостиную через пять минут. Постучишь.

Игорь коротко кивнул и отвернулся к стойке.

Алиса дернулась, будто собиралась соскочить со стула и броситься к выходу. Я шагнул чуть ближе, мягко перекрывая ей путь к проходу, но не касаясь, чтобы не напугать еще сильнее.

– Не делай резких движений, Алиса, – тихо произнес я, глядя ей прямо в глаза. – На нас смотрят. Если ты сейчас побежишь к двери с таким лицом, привлечешь половину зала.

– Константин Сергеевич... – выдохнула она. Голос у нее сел, звучал глухо и надломлено. – Я не знала. Честное слово, мне подруга отдала приглашение, я понятия не имела, что это ваш клуб. Я сейчас уйду, я никому ничего не скажу, простите, пожалуйста...

Она снова извинялась. Как всегда. На всех тех редких семейных ужинах, где Артем знакомил нас и где она сидела с краю стола в закрытых блузках, стараясь лишний раз не звякнуть вилкой, она постоянно за что-то извинялась. За то, что передала солонку не той рукой. За то, что тихо ответила на вопрос. За то, что вообще занимает место в пространстве.

Меня и раньше царапала эта ее привычка сжиматься в комок рядом с моим сыном, но я не лез. Артем взрослый парень, его выбор, его жизнь. Я и так слишком часто ловил себя на мысли, что упустил его в подростковом возрасте, откупился деньгами и лучшими школами вместо того, чтобы научить отвечать за свои слова.

– Тебе не за что передо мной извиняться, – сказал я жестче, чем планировал, и тут же смягчил тон. – Пойдем. Здесь не место для разговоров.

Я осторожно взял ее за локоть. Кожа под моими пальцами оказалась ледяной, несмотря на душное тепло зала. Алиса вздрогнула от прикосновения, как дикий зверек, но сопротивляться не стала – позволила провести себя к боковой лестнице за тяжелой бархатной портьерой.

Северная гостиная находилась на втором этаже, в самом тихом закрытом крыле особняка. Сюда не заходили гости, здесь не работала общая система наблюдения, которой ведал Демид, и даже персонал появлялся только по прямому вызову. Комната была небольшой, с высокими лепными потолками, камином, который не разжигали с осени, двумя глубокими креслами из темной потертой кожи и низким столиком между ними.

Я закрыл тяжелую дубовую дверь, отрезая глухой бас музыки, и повернулся к Алисе. Она замерла посреди комнаты, все так же прижимая клатч к груди обеими руками. В свете единственного настенного бра ее лицо казалось совсем бледным, а глаза – огромными.

– Сядь, – кивнул я на кресло у окна. – Ты вся дрожишь.

– Я правда лучше поеду домой, – она сделала шаг назад, но уперлась икрами в край кресла и вынужденно опустилась на сиденье. – Мне очень неловко. Если Артем узнает, что я была здесь...

– Артем не узнает, – перебил я. Снял пиджак, бросил его на спинку второго кресла и расстегнул верхнюю пуговицу сорочки, чувствуя, как к горлу подступает глухая, тяжелая злость. – Никто не узнает. В этом доме умеют хранить чужие секреты, Алиса. Но я хочу услышать от тебя правду. Что произошло сегодня вечером?

Она опустила голову, так что каштановые пряди закрыли щеки. Наступила пауза. В дверь негромко постучали – пришел Игорь с подносом. Я сам забрал чайник и две чашки у порога, не впуская бармена внутрь, закрыл замок на щеколду и поставил поднос на столик.

Налил ей горячий настой, придвинул чашку ближе.

– Пей. Согреешься, потом поговорим.

Алиса посмотрела на чашку так, словно там была отрава, но послушно обхватила ее пальцами. Сделала крошечный глоток. От горячего пара ее нос слегка порозовел, а плечи чуть опустились.

Я сел в кресло напротив, откинулся назад и положил руки на подлокотники. Старался не давить, хотя внутри все кипело. Я знал повадки своего сына. Артем умел красиво ухаживать, дарить дорогие букеты и производить впечатление перспективного наследника, но за этим фасадом прятался избалованный эгоист, который привык, что мир крутится вокруг его желаний. И судя по тому, как выглядела сейчас Алиса, мой сын сегодня превзошел самого себя.

– Свадьбы не будет, – тихо сказала она, не поднимая глаз от чашки.

Я не удивился. Но от этих трех слов внутри все равно противно скрутило.

– Он передумал? За неделю до регистрации?

– Да. Мы ужинали в ресторане. Он сказал, что все обдумал и лучше остановить это сейчас, чем потом разводиться.

– Причина? – я почувствовал, как мой голос становится ледяным. Когда я по-настоящему в бешенстве, я никогда не кричу – наоборот, говорю тише и четче. – Он нашел другую?

Алиса покачала головой. По ее щеке наконец скатилась одна-единственная слеза, она тут же торопливо стерла ее тыльной стороной ладони, будто стыдясь даже этой слабости.

– Нет. Сказал, что проблема во мне.

Я прищурился.

– В тебе? Алиса, ты три года терпела его закидоны, поддерживала все его дурацкие идеи, не требовала ни копейки и ни разу не устроила ему ни одной сцены. В чем конкретно, по его мнению, твоя проблема?

Она замерла. Пальцы снова побелели на ручке чашки. Я видел, как ей физически больно произносить эти слова вслух, особенно передо мной. Но я не отводил взгляда, терпеливо ждал. Мне нужно было знать, насколько низко пал мой сын.

– Он сказал, что я идеальная картинка для семейного альбома, – выдавила она почти шепотом, глядя куда-то в угол ковра. – Что со мной не стыдно выйти в свет и познакомить с вами. Но в постели со мной хочется уснуть. Что я... мертвая и скучная. Лежу, глаза закрываю и дышать боюсь.

Тишина в гостиной стала плотной, как вата.

Я смотрел на нее и несколько секунд просто не мог вдохнуть. Волна горячего, слепого бешенства ударила в голову с такой силой, что в висках застучало. Мой сын. Мой двадцатишестилетний щенок, который до сих пор живет на дивиденды с траста, который я для него создал, унизил девушку, любившую его три года, самым грязным, трусливым способом. Переложил на нее собственную эмоциональную импотенцию и неумение быть мужчиной, вытер об нее ноги за неделю до свадьбы и пошел дальше, даже не оглянувшись.

Мне захотелось прямо сейчас поехать к нему и набить физиономию.

Но я остался сидеть в кресле. Потому что передо мной сидела Алиса.

Я посмотрел на нее по-новому. Уже не как на будущую невестку, которую я привык видеть издалека в мешковатых свитерах и с тугим пучком на затылке. Сейчас, в мягком янтарном свете бра, я впервые увидел ее по-настоящему.

Она сидела на краю глубокого кожаного кресла, и черный шелк платья обтягивал ее так, что у меня перехватило дыхание. Узкая, точеная талия, плавный изгиб бедер, высокая мягкая грудь, приподнятая корсетным кроем лифа. Тонкая белая шея, по которой до сих пор медленно сползал розовый румянец смущения. Запах ванили и горького миндаля, смешанный с ее собственным теплым запахом кожи, долетал до меня даже через столик.

Мертвая? Скучная?

Да у Артема просто глаза на затылке выросли, если он не разглядел, какая женщина три года была у него под боком. Она не мертвая. Она просто сжалась в тугую пружину от страха сделать что-то не так, от вечного желания быть удобной и правильной для всех вокруг. В ней столько подавленной, запертой на замок чувственности, что, если этот замок открыть, она снесет любого.

И в эту секунду я поймал себя на мысли, от которой у самого по спине пробежал холодок.

Я смотрел на ее приоткрытые, влажные от недавнего чая губы, на то, как часто вздымается ее грудь под тонкой тканью платья, и впервые за много лет почувствовал внизу живота тяжелый, острый толчок чисто мужского желания.

Черт. Это было неправильно. Недопустимо. Она невеста моего сына – пусть уже и бывшая, всего пару часов как бывшая, но от этого ситуация не становилась менее безумной. Мне сорок шесть лет, я владелец закрытого клуба, я не имею права смотреть на нее так.

Я сжал подлокотники кресла так, что костяшки пальцев хрустнули, пытаясь вернуть себе привычный ледяной контроль. Не вышло. Инстинкт защитника, вспыхнувший минуту назад из-за выходки Артема, намертво сплелся с чем-то темным, собственническим и пугающе живым. Я смотрел на эту хрупкую девушку, которую мой собственный сын только что убедил в том, что она бракованная, и понимал: если я сейчас просто отпущу ее домой, она закроется в своей квартире и поверит в эту ложь навсегда.

А я не мог этого допустить.

Глава 4. Первый урок

Хотелось провалиться сквозь землю. Прямо сейчас, вместе с этим тяжелым кожаным креслом, чашкой чая и дурацким шелковым платьем Марины.

Когда слова вырвались наружу, я зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли цветные пятна. Рассказать такое отцу человека, который тебя бросил – это даже не позор, это какое-то запредельное самоуничижение. Я ждала чего угодно: неловкого покашливания, жалостливого вздоха, сухого «извини, Алиса, я поговорю с ним, а сейчас тебе лучше поехать домой».

Но в комнате стояла глухая, тяжелая тишина.

Я заставила себя приоткрыть глаза и посмотреть на Константина. И тут же пожалела об этом.

Он не выглядел растерянным или смущенным. Он сидел в кресле напротив, слегка подавшись вперед, и смотрел на меня так пристально и тяжело, что у меня мгновенно пересохло в горле. Его серо-стальные глаза в полумраке казались почти черными. Челюсти были сжаты так плотно, что на скулах ходили желваки, но в этом взгляде не было ни капли жалости. Была глухая, сдерживаемая ярость – и еще что-то, от чего мое сердце вдруг пропустило удар и заколотилось прямо под ключицами.

– Простите, – выдохнула я, поспешно ставя чашку на столик и вцепляясь пальцами в колени. – Я не должна была вам это говорить. Это... это вообще вас не касается. Я сейчас уйду.

Я дернулась, собираясь встать, но Константин поднялся первым.

Он двигался удивительно быстро и бесшумно для такого крупного, широкоплечего мужчины. Через секунду он уже стоял прямо передо мной, опершись бедром о край низкого столика и перекрывая мне путь. От него пахло терпким кедром, бергамотом и мужским теплом – запахом, от которого у меня закружилась голова сильнее, чем от Мариниого вина. Белая сорочка с расстегнутой верхней пуговицей открывала смуглую шею, а закатанные до локтей рукава обнажали сильные, жилистые предплечья и тяжелые часы на запястье.

Мне пришлось задрать голову, чтобы посмотреть на него снизу вверх.

– Повтори, что ты сейчас сказала, – негромко произнес он.

– Ч-что? – растерялась я.

– Первое слово, которое ты произнесла минуту назад. Ты снова извинилась.

Я моргнула, не понимая, к чему он клонит.

– Я просто... это правда неприлично, обсуждать такие вещи с отцом...

– Забудь сейчас, чей я отец, – перебил он. Голос у него был низкий, ровный, но в нем звучала такая сталь, что спорить не хотелось. – В этом доме нет фамилий, Алиса. Ты пришла сюда сама. Ты прошла через ту дверь, сдала телефон и села за барную стойку. И я сейчас говорю с тобой не как отец Артема, а как человек, который шесть лет назад построил это место.

Он наклонился чуть ниже, опираясь ладонями о подлокотники моего кресла. Теперь его лицо оказалось совсем близко – я видела каждую серебристую нить на его висках, резкую линию скул и темные, внимательные глаза, от которых невозможно было спрятаться. Меня зажало в кресле его присутствием, но, как ни странно, паники не было. Было только острое, пугающее чувство, что меня впервые в жизни видят насквозь.

– Послушай меня внимательно, – тихо сказал Константин, не отводя взгляда. – То, что сказал тебе Артем в ресторане, – это трусливая ложь человека, который сам ничего не умеет и боится в этом признаться. Двадцатишестилетний мальчик, привыкший получать все по щелчку пальцев, не знает, что делать с женщиной, если она не изображает дешевый спектакль из порнофильма. Он не умеет слушать. Не умеет ждать. Ему проще назвать тебя холодной, чем признать, что у него самого не хватило ни терпения, ни мужской силы тебя раскрыть.

Я слушала его, и в груди что-то больно дернулось. Слова были жесткими, прямыми, без всяких красивых оберток, но они били точно в цель.

– Но я правда замираю, – прошептала я, чувствуя, как снова краснею, но на этот раз не смея отвести глаза, потому что он словно удерживал мой взгляд своим. – Я не знаю, как правильно... Я все время боюсь сделать что-то не так, показаться смешной или... или распущенной. Мне с детства говорили, что...

– Что хорошие девочки ведут себя тихо и не привлекают внимания? – закончил он за меня, и уголок его губ чуть дернулся в горькой усмешке. – Я вижу это по тому, как ты сидишь, Алиса. Ты даже дышишь вполсилы, чтобы никому не помешать. Ты прячешь себя в бесформенную одежду, закалываешь волосы так, чтобы ни одна прядь не упала на лицо, и извиняешься за каждый свой шаг. А потом удивляешься, что рядом с тобой человеку скучно. Не потому, что ты пресная. А потому, что ты сама себя заперла в клетку и выбросила ключ.

Его слова обжигали. Мне захотелось возразить, защититься, сказать, что он ничего обо мне не знает, но язык не поворачивался. Потому что в каждом его слове была чистая, беспощадная правда.

Константин выпрямился, но отходить не стал. Посмотрел на меня сверху вниз, будто взвешивая какое-то решение. В комнате тикали старинные настенные часы, а за толстой дубовой дверью едва слышно вибрировал низкий бас музыки из основного зала.

– У меня к тебе есть предложение, – сказал он наконец.

Я настороженно подняла брови.

– Какое?

– Ты пришла в «Бархат и Пепел», чтобы встряхнуться, верно? Так вот. Я не отпущу тебя сегодня домой с уверенностью, что ты сломанная. Я докажу тебе, что проблема не в твоем теле и не в твоем темпераменте. Проблема только в том, что рядом с тобой никогда не было мужчины, который умеет задавать правильный тон и слышать, как ты отзываешься.

У меня перехватило дыхание. Сердце стукнуло о ребра так сильно, что зазвенело в ушах.

– Вы... вы предлагаете мне переспать с вами? – выдохнула я, чувствуя, как кровь отливает от лица. – Константин Сергеевич, это же безумие, вы отец Артема, я...

– Никакого секса, – твердо отрезал он, не давая мне впасть в истерику. – Я даю тебе слово. Никакой постели, никакого принуждения, я не перейду эту границу ни на миллиметр.

Он сделал полшага ближе, и мне снова пришлось задрать подбородок, чтобы не утыкаться взглядом ему в грудь.

– На втором этаже есть закрытая комната, – продолжил он ровно, тем самым бархатным, гипнотическим голосом, от которого по коже бежали мурашки. – Всего один вечер. Два часа. Там я буду вести, а ты будешь учиться не прятать глаза, не сжиматься и не извиняться за то, что твое тело живое и умеет чувствовать. Здесь действуют правила клуба: в любую секунду, если тебе станет страшно или неприятно, ты скажешь слово «пепел» – и все прекратится мгновенно. Я сам провожу тебя до машины, и мы больше никогда не вспомним об этом вечере.

В комнате повисла тишина. Я сидела, вцепившись в кожаные подлокотники кресла, и чувствовала, как внутри сталкиваются два совершенно разных человека.

Один – та самая правильная Алиса, которую двадцать четыре года учили не совершать глупостей, бояться осуждения и держаться подальше от всего опасного. Эта Алиса кричала в голове, что предложение Константина – чистый яд. Он взрослый, властный, пугающе проницательный мужчина. Он отец моего бывшего жениха. Остаться с ним наедине в закрытой комнате эротического клуба – значит перечеркнуть все приличия, которые я берегла всю жизнь.

Но был и второй голос. Тихий, упрямый, проснувшийся сегодня вечером за столиком ресторана, когда Артем швырнул мне в лицо свои претензии. Этот голос спрашивал: а что будет, если я сейчас скажу «нет» и уеду? Я вернусь в пустую квартиру, мимо белого чехла со свадебным платьем пройду на кухню, лягу в холодную постель и буду до утра перебирать

в голове слова Артема, окончательно убеждая себя, что я неполноценная женщина. Завтра позвонит мама, начнет причитать, что надо помириться, попросить прощения, стать еще тише и еще удобнее – и я, скорее всего, сломаюсь и соглашусь.

Я подняла глаза на Константина. Он не торопил меня. Стоял спокойно, засунув одну руку в карман брюк, и просто ждал моего решения. В его глазах не было ни усмешки, ни самодовольства – только спокойная, тяжелая уверенность человека, который привык отвечать за каждое свое слово. И странное, почти физическое тепло, от которого у меня внутри все начинало медленно плавиться.

Рядом с ним впервые за весь этот бесконечный вечер мне не хотелось уменьшиться и стать невидимой. Наоборот – захотелось вдохнуть полной грудью.

Я сглотнула пересохшим горлом, разжала пальцы, впившиеся в кожу подлокотников, и медленно поднялась с кресла. Оказалась совсем невысокой рядом с ним – макушкой едва доставала ему до подбородка.

– Никакого секса, – тихо повторила я его условие, глядя ему прямо в глаза и заставляя себя не отводить взгляд. – И если я скажу «пепел», вы сразу откроете дверь.

Уголок его губ чуть дрогнул – не улыбка, скорее тень одобрения.

– Слово хозяина клуба, Алиса. Пойдем.

Он повернулся к двери и протянул мне руку. Не схватил за локоть, как в зале, а именно раскрыл ладонь, оставляя последний шаг за мной.

Я посмотрела на его длинные, сильные пальцы, сделала глубокий вдох и вложила свою руку в его. Теплая, твердая ладонь Константина сомкнулась вокруг моих холодных пальцев, и в ту же секунду я поняла, что пути назад в мою прежнюю, правильную жизнь больше нет.

Глава 5. Снятие брони

Когда тяжелая дубовая дверь Северной гостиной защелкнулась, отрезая нас от приглушенного гула нижнего зала, в комнате повисла плотная, наэлектризованная тишина. Я провернул ключ в замке – не чтобы запереть ее, а чтобы гарантировать, что ни Ева, ни кто-то из охраны не зайдет сюда по ошибке. Здесь не работали камеры, Демид отключил этот контур еще на этапе проектирования, но привычка перестраховываться въелась в кровь за двадцать лет.

Алиса стояла посреди старого персидского ковра, обхватив себя руками за плечи. Черное шелковое платье, которое на нее явно надела подруга, сидело красиво, но двигалась она в нем так, словно надела чужой доспех на три размера больше. Плечи сведены вперед, подбородок опущен, пальцы до побеления костяшек впились в собственные предплечья. Я смотрел на нее и физически чувствовал, как от нее фонит паникой. Смесь стыда, отчаяния после разговора с моим сыном и животного ужаса перед тем, на что она только что согласилась.

Я не стал подходить сразу. За шесть лет в «Бархате и Пепле» я видел сотни людей, пришедших за острыми ощущениями, и знал простую вещь: тело никогда не врет. Можно наговорить кучу красивых слов о смелости и готовности к экспериментам, но мелкая дрожь в коленях и сбивчивое, поверхностное дыхание выдают страх с головой. Если надавить на человека в таком состоянии, он не раскроется – он просто уйдет в глухую оборону, как улитка в раковину, и потом будет ненавидеть себя еще сильнее. А моя задача сегодня была прямо противоположной.

– Дыши, Алиса, – сказал я негромко, оставаясь у двери. Мой голос прозвучал в тишине комнаты низко, почти лениво, хотя внутри у меня самого все скручивало тугим узлом. – Ты сейчас задерживаешь воздух так, будто стоишь перед расстрельной командой. Сделай глубокий вдох через нос. Медленно. И выдохни через рот.

Она вздрогнула, дернула подбородком вверх, уставившись на меня широко распахнутыми зелеными глазами, но послушалась. Грудь приподнялась, под тонкой черной тканью резко обозначились острые ключицы, потом воздух со свистом вышел сквозь приоткрытые губы.

– Еще раз, – потребовал я, делая два неспешных шага вперед. – Не торопись. Напомни мне, какое главное правило в этом доме?

– Слово «нет» или «пепел», – выдохнула она, и голос ее предательски дрогнул на последнем слоге.

– Верно. Здесь ничего не происходит без твоего разрешения. И между нами сегодня не будет постели и секса – я дал слово и держу его. Твоя единственная задача на ближайший час – перестать анализировать и просто слушать, что происходит у тебя внутри. Подойди к зеркалу.

В широком простенке между высокими, задрапированными темно-серым бархатом окнами висело старинное ростовое зеркало в потемневшей бронзовой раме. Алиса замялась, переступила с ноги на ногу на своих невысоких каблуках, но спорить не стала. Подошла, остановилась в шаге от стекла и тут же опустила взгляд на носки собственных туфель.

Я встал прямо за ее спиной. Не касаясь, но достаточно близко, чтобы она ощущала тепло моего тела и запах моего парфюма. В полумраке гостиной, освещенной только парой настенных бра с теплым желтым светом и уличным фонарем за шторой, мы смотрелись в отражении как кадр из старого кино. Я – на голову выше, в темном монохроме, с сединой на висках, которая в этом свете казалась почти белой. И она – хрупкая, бледная, с медно-каштановыми волосами, выбившимися из небрежного узла на затылке.

– Подними голову, – произнес я, осторожно кладя ладони ей на плечи. Под пальцами тут же ощутились каменные, натянутые как канат мышцы. – Посмотри на себя. Не оценивай, не

выискивай недостатки, как ты привыкла. Просто посмотри на женщину, которая стоит напротив.

– Я не привыкла... – начала она торопливо, и привычное «простите» уже готово было сорваться с губ.

– Не извиняйся, – мягко, но жестко прервал я. Мои большие пальцы начали медленно, с нажимом массировать ее напряженные трапеции, продавливая зажатые точки у основания шеи. – Это первое правило на сегодня. За каждое «прости» или «извините» я буду начинать все сначала. Ты всю жизнь пыталась быть удобной, Алиса. Не шуметь, не мешать, не занимать лишнего места, угадывать чужое настроение раньше, чем свое собственное. Неудивительно, что ты забыла, каково это – просто чувствовать собственное тело.

Она судорожно втянула воздух, когда мои руки скользнули ниже, по обнаженным предплечьям, оставляя за собой дорожку мурашек. В зеркале я видел, как расширяются ее зрачки, съедая зеленую радужку, как чуть приоткрываются губы. Сняв пиджак и бросив его на спинку ближайшего кресла, я расстегнул запонки и закатал рукава сорочки до локтей – в комнате становилось жарко, шелк под пальцами мешал чувствовать ее кожу.

– Закрой глаза и сосредоточься только на моих руках, – шепнул я, наклоняясь так, чтобы губы почти касались ее виска. – Я сейчас расстегну платье. Если станет некомфортно или захочется остановиться – одно слово, и я отойду.

Она едва заметно кивнула. Пальцы нащупали крошечный крючок у ворота, затем собачку потайной молнии. Змейка разошлась с тихим, шелестящим звуком, обнажая бледную, идеально ровную линию позвоночника. Черный шелк соскользнул с узких плеч и мягким облаком упал к ее ногам.

Алиса осталась в белье. Тонкий кружевной комплект телесного оттенка – скромный, аккуратный, без кружевных излишеств, как и вся ее прежняя жизнь рядом с моим идиотом-сыном. От прохладного воздуха комнаты ее кожа мгновенно покрылась пупырышками, и она инстинктивно дернула руками вверх, пытаясь прикрыть грудь.

Я перехватил ее запястья раньше, чем она успела скрестить руки, и мягко отвел их в стороны, прижимая ее ладони к ее же бедрам.

– Не прячься, – сказал я прямо ей в ухо, так тихо, что звук вибрацией прошел по ее коже. – Открой глаза.

Ресницы дрогнули и поднялись. Она посмотрела в зеркало, и я увидел, как у нее перехватило дыхание. В отражении стояла женщина с тонкой талией, плавным, женственным изгибом бедер, высокой грудью, тяжело вздымающейся под тонкой сеткой бежевого кружева. На скулах проступил яркий, лихорадочный румянец, а губы припухли от того, что она их постоянно кусала.

– Посмотри на себя, Алиса, – повторил я, глядя ей прямо в глаза через стекло, не давая отвести взгляд. – Ты не пресная – ты живая, и ты невероятно красива, когда перестаешь себе мешать.

Я видел, как эти слова бьют глубже любого физического прикосновения. Ее нижняя губа мелко задрожала, в уголках глаз блеснула влага. Это не были слезы обиды или унижения, к которым она привыкла за последние дни. Это был шок человека, которому всю жизнь твердили, что он серая мышь, а потом вдруг включили свет и показали, кто он на самом деле.

Мои ладони медленно скользнули с ее бедер вверх по ребрам, обхватывая узкую талию. Кожа у нее была шелковистой и удивительно горячей. Я повел руками выше, накрывая грудь поверх тонкого кружева. Алиса выгнулась в спине, вжимаясь затылком мне в плечо, и сдавленно втянула воздух сквозь сжатые зубы. Под моими ладонями отчетливо чувствовалось, как мгновенно затвердели соски, как бешено, словно пойманная птица, колотится ее сердце.

– Не держи звук в себе, – выдохнул я ей в шею, прижимаясь губами к пульсирующей жилке прямо под мочкой уха. Запах ее кожи – смесь легкого цветочного парфюма, дождя и

теплого женского тела – ударил в голову сильнее любого виски. Я сам уже с трудом удерживал то ледяное спокойствие, которым привык гордиться. В паху тянуло тяжело и горячо, ремень брюк стал невыносимо тесным, но я жестко одернул себя: сегодня все только для нее. – Я хочу слышать, как тебе хорошо.

– Константин... – сорвалось с ее губ хриплым, едва узнаваемым шепотом, больше похожим на выдох.

– Вот так, – пробормотал я, легонько прикусывая кожу у нее на плече и тут же зализывая след. – Еще. Не молчи.

Моя левая рука осталась на ее груди, большим и указательным пальцами я перекатывал затвердевший сосок сквозь ткань бюстгальтера, заставляя ее мелко вздрагивать при каждом движении. Правая ладонь медленно пошла вниз – через солнечное сплетение, по плоскому, напряженному животу, ниже пупка – и накрыла ее лобок поверх тонкого кружева трусиков.

Она дернулась, словно от разряда тока, но не отстранилась – наоборот, бедра непроизвольно подались вперед, навстречу моей ладони. Ткань внизу уже промокла насквозь, от нее шел густой, влажный жар. Артем, кретин, называл ее мертвой. Да она вспыхнула от одного взгляда и пары честных слов, как сухая трава от спички.

– Смотри в зеркало, – приказал я, когда она снова попыталась зажмуриться. – Не смей закрывать глаза. Смотри, как ты реагируешь.

Я сдвинул узкую полоску кружева в сторону и коснулся ее подушечками пальцев. Осторожно, без натиска, раздвигая влажные, горячие складки. Алиса вскрикнула – коротко, приглушенно, словно сама испугалась собственного голоса, и тут же попыталась сжать колени.

– Расслабь ноги, – тихо сказал я, мягко надавливая предплечьем на ее бедро, возвращая прежнее положение. – Ты в безопасности. Тебе не нужно никуда торопиться и не нужно никому ничего доказывать. Просто чувствуй.

Мои пальцы начали двигаться – медленно, круговыми движениями по самому чувствительному бугорку, собирая влагу и распределяя ее ниже. Алиса запрокинула голову мне на плечо, ее пальцы вцепились в мои обнаженные предплечья с такой силой, что ногти впились в кожу. В зеркале напротив разворачивалась картина, от которой у меня самого темнело в глазах и перехватывало горло: строгая, застегнутая на все пуговицы «хорошая девочка» рассыпалась на части прямо у меня на глазах. Ее грудь ходила ходуном, рот приоткрылся, с губ срывались короткие, прерывистые стоны, которых она больше не пыталась задавить.

– Умница, – низко проговорил я, чуть ускоряя темп, чувствуя, как ее бедра теряют контроль и начинают двигаться в такт моим пальцам, втираясь в ладонь с голодной, отчаянной жадностью. – Посмотри на себя сейчас. Разве это скучно? Ты горишь, Алиса. Ты так отзываешься на каждое прикосновение, что у меня самого крышу сносит. Отпусти себя. Возьми это.

Похвала сработала как детонатор. Она вся натянулась как струна, спина выгнулась дугой, пальцы до боли сжали мои руки. Я добавил еще один палец, чуть глубже, не пересекая границу, но усиливая давление именно там, где пульсировала вся ее кровь, и почувствовал, как внутри нее все начинает мелко, судорожно сжиматься.

– Константин... я... я сейчас... – задохнулась она, глядя в зеркало расфокусированными, темными от страсти глазами.

– Давай, девочка. Не держи.

Ее накрыло с такой силой, что подкосились колени. С губ сорвался долгий, протяжный, абсолютно нецензурный стон – первый настоящий, не придуманный звук в ее жизни. Я крепко перехватил ее за талию левой рукой, удерживая на весу, чтобы она не рухнула на ковер, а правой продолжал медленно, мягко ласкать ее, растягивая эту волну до самого конца, пока судороги в ее бедрах не начали стихать, сменяясь мелкой, расслабленной дрожью.

Несколько минут в комнате было слышно только ее тяжелое, рваное дыхание и тиканье каминных часов на полке. Она обмякла в моих руках, привалившись спиной к моей груди, мокрая от испарины, раскрасневшаяся, совершенно обезоруженная.

Я смотрел в зеркало на ее потрясенное лицо и с холодным, трезвым ужасом понимал, что только что совершил самую большую ошибку за свои сорок шесть лет. Я привел ее сюда, чтобы вернуть ей самоуважение, преподать урок и отправить домой с высоко поднятой головой. Но, глядя на нее сейчас – живую, настоящую, пахнущую сексом и дождем, – я точно знал: никуда я ее от себя уже не отпущу.

Глава 6. Дневной свет

Я проснулась от того, что яркий солнечный луч бил прямо в лицо сквозь неплотно задернутые льняные шторы. На секунду, еще не до конца вынырнув из сна, я решила, что все еще нахожусь в той полутемной комнате с огромным зеркалом, но под щекой оказалась привычная прохладная наволочка, а за окном монотонно гудел утренний субботний город.

Я лежала неподвижно, боясь пошевелиться, и прислушивалась к собственному телу. Внутри не было ни привычной свинцовой тяжести, ни той противной, ноющей пустоты под ребрами. Наоборот – тело казалось удивительно легким, послушным, словно после долгой изнурительной болезни наконец спал жар. Только внизу живота все еще отзывалось тянущее, сладкое тепло, а мышцы бедер приятно ныли, как после хорошей тренировки. При одном воспоминании о низком, хрипловатом голосе у самого уха и горячих мужских ладонях по коже снова пробежали мелкие мурашки.

«Ты невероятно красива, когда перестаешь себе мешать».

Я уткнулась носом в подушку и улыбнулась, жмурясь от яркого света... и в следующую же секунду распахнула глаза, резко садясь на кровати.

Сон слетел мгновенно, уступая место липкому, ледяному ужасу.

Константин Сергеевич. Воронцов. Отец Артема.

Я закрыла лицо руками и тихо застонала в ладони. Вчера ночью, в душном полумраке этого странного, завораживающего особняка, где пахло кедром, старым деревом и воском, все происходило словно в параллельной вселенной, где не существует фамилий, обязательств и завтрашнего утра. Но сейчас наступил день. Обычный, жесткий, залитый безжалостным октябрьским солнцем субботний день. И при дневном свете то, что я сделала, выглядело как полное, клиническое безумие.

Я позволила отцу своего бывшего жениха раздеть себя. Я стояла перед ним в одном белье, смотрела на нас в зеркало, выгибалась под его руками и кончила так громко и ярко, как никогда за три года жизни с его сыном. А потом, когда он молча помог мне надеть платье, застегнул молнию, накинул на плечи мой плащ и проводил до такси через боковой выход, я даже не смогла выдавить из себя ни слова – только смотрела на него как завороженная и кивала.

Нужно забыть. Просто вычеркнуть этот вечер из памяти, как дурной сон или временное помешательство на почве стресса. Благо, в «Бархате и Пепле» действуют железные правила анонимности, а в обычной жизни наши пути больше никогда не пересекутся. Свадьба отменена, с Артемом все кончено, общих дел у моей реставрационной мастерской и строительно-инвестиционного холдинга Воронцова-старшего нет и быть не может. Никто ничего не узнает. Никогда.

Телефон на прикроватной тумбочке резко завибрировал, подпрыгивая на деревянной поверхности и прерывая мои панические мысли. На экране высветилось имя Игоря Павловича – руководителя нашей небольшой реставрационной мастерской. Я удивленно взглянула на электронные часы: девять пятнадцать утра, суббота. Обычно в выходные шеф отключал телефон и уезжал на дачу.

– Алло, Игорь Павлович? Доброе утро, – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал бодро, а не как у человека, которого только что сбил грузовик.

– Алиса, прости ради бога, что бужу в выходной, но тут такое дело, что до понедельника не дотянет, – голос шефа в трубке звучал непривычно взволнованно, он даже слегка задыхался, словно быстро ходил по кабинету. – Помнишь, месяц назад мы подавали заявку на закрытый тендер по восстановлению потолочных росписей в старинном особняке конца девятнадцатого века в районе Пречистенки?

Сердце споткнулось и глухо ударилось о ребра, но я заставила себя сделать глубокий вдох. В центре Москвы десятки дореволюционных особняков. Простое совпадение, не надо накручивать себя на пустом месте.

– Помню, конечно. Но там же вроде крупный подрядчик из Питера должен был забрать объект?

– Сорвались питерцы! Не сошлись с заказчиком по технологии расчистки, и вчера вечером представитель владельца связался со мной напрямую. Алиса, мы выиграли! Заказчик утвердил твое портфолио лично, без всяких дополнительных согласований.

– Это же здорово, Игорь Павлович! – искренне обрадовалась я, на секунду забыв о ночном кошмаре. – Наконец-то нормальный объем работы с темперной живописью, а не бесконечная подклейка обвалившейся лепнины. Но почему так срочно?

– У владельца жесткие сроки по ремонту закрытого крыла на втором этаже, он хочет закончить реставрацию до Нового года. А бюджет там такой, Алиса, что наша мастерская сможет полгода спокойно платить аренду, закупить нормальные пигменты и ни в чем себе не отказывать. А твой личный гонорар по договору перекроет все твои кредиты за учебу на три года вперед. Заказчик ждет тебя на объекте сегодня ровно в двенадцать для осмотра фронтов работ и подписания акта допуска. Адрес и контакт управляющей я сейчас скину тебе в мессенджер. Не подведи, Алиса, ты у нас лучший специалист по сложным сводам, вся надежда на тебя.

Он отключился, а через пару секунд телефон пиликнул входящим сообщением. Я открыла чат, пробежала глазами по строчкам адреса – и телефон едва не выскользнул из влажных пальцев.

Тот самый переулок. Тот самый номер дома.

Несколько минут я просто сидела на краю кровати, уставившись в экран, пока цифры и буквы не расплылись перед глазами. Этого не может быть. Так не бывает в реальной жизни. Мастерская подавала документы на этот тендер больше месяца назад, когда я еще готовилась к свадьбе и понятия не имела ни о каком клубе. Особняк на Пречистенке... Значит, «Бархат и Пепел» занимает только первый этаж и подвальные помещения, а верхний уровень принадлежит самому Константину? Или весь дом в его собственности?

Я схватилась за телефон, собираясь перезвонить Игорю Павловичу и отказаться. Сказать, что заболела, что у меня аллергия на старую известку, что я уезжаю из города. Но палец замер над кнопкой вызова. Если я сейчас соскочу без внятной причины, мастерская потеряет контракт, который спасает ее от банкротства, а я лишусь единственного шанса закрыть долги и наконец съехать из съемной квартиры, половину которой оплачивал Артем. К тому же, подумала я, лихорадочно цепляясь за остатки здравого смысла, особняк огромный. Владельцы таких зданий редко спускаются на строительную площадку лично – наверняка меня встретит главный инженер, прораб или та же управляющая, а сам он даже не в курсе, кого именно прислала реставрационная фирма. Вчера в клубе мы не называли фамилий, а на официальных ужинах с Артемом он вряд ли запоминал, в какой именно мастерской я работаю.

В двенадцать ноль-ноль я стояла в тихом переулке в пяти минутах ходьбы от Пречистенки, сжимая в руке пластиковый тубус с чертежами и чувствуя, как к горлу подступает противная, холодная тошнота.

Тот самый бледно-песочный фасад. Те же белые лепные наличники и полукруглые окна первого этажа, сейчас наглухо закрытые плотными жалюзи изнутри. Та же тяжелая дубовая дверь, только при ярком дневном свете она выглядела еще более неприступной и официальной. Я специально оделась максимально закрыто и скучно: темные прямые джинсы, объемный бежевый свитер с высоким горлом, закрывающим шею до самого подбородка, волосы собраны в тугой пучок на затылке, на лице ни грамма косметики. Обычный реставратор, приехавший на замеры. Ничего общего с той растерянной девушкой в черном шелке.

Я глубоко вдохнула, выдохнула, как он сам учил меня ночью, и нажала на кнопку звонка у латунной таблички.

Дверь открылась почти мгновенно. На пороге стояла та самая стройная женщина с гладким темным пучком на затылке – Ева. При дневном свете ее янтарные глаза казались еще холоднее и проницательнее. Вместо строгого графитового костюма на ней были безупречные брюки и шелковая блуза цвета слоновой кости.

Она скользнула по мне быстрым, оценивающим взглядом – от старых кожаных ботинок и скромного свитера до тубуса в руках. Ни один мускул не дрогнул на ее красивом, чуть хищном лице. Если она и узнала вчерашнюю гостью, которую инструктировала в вестибюле, то не подала ни малейшего знака – то ли действительно не запомнила в полумраке холла, то ли выдержка у нее была поистине железной.

– Алиса Белова? – ровным, деловым тоном уточнила она, сверяясь с планшетом в руках. – Проходите, пожалуйста. Бахилы и пропуск я уже подготовила. Вас ждут в верхнем зале.

У меня похолодели кончики пальцев, но я молча кивнула, надела бахилы и пошла следом за ней. Мы не пошли в основной холл клуба – сразу от входа Ева свернула налево и открыла неприметную белую дверь, за которой начиналась широкая парадная лестница из светлого мрамора, ведущая на второй этаж.

Здесь все дышало совсем другой жизнью: пахло свежей известкой, старым деревом, строительной пылью и побелкой – резкий контраст с нижним этажом, где витали густые ароматы кардамона, дорогого парфюма и воска. Ева толкнула высокие двустворчатые двери в конце коридора, пропуская меня вперед.

– Проходите.

Я шагнула внутрь и на секунду забыла обо всех своих страхах – сработал профессиональный рефлекс. Просторный зал с высокими сводчатыми потолками был заставлен металлическими строительными лесами. Сквозь высокие стрельчатые окна лился ровный северный свет – идеальный для работы с цветом. А наверху, под самым сводом, сквозь слои потемневшей от времени копоти, трещин и поздних грубых побелок угадывались потрясающие контуры старинной росписи с растительным орнаментом и золочением.

У крайнего окна, спиной к двери, стоял мужчина. На нем были идеально сидящие темные брюки и светло-серая кашемировая водолазка, плотно обтягивающая широкие плечи и спину. В руках он держал папку с проектными чертежами.

– Константин, реставратор из мастерской прибыла, – произнесла Ева спокойным, нейтральным голосом.

Он обернулся.

Взгляд серых, чуть прищуренных глаз встретился с моим. Внутри все оборвалось куда-то вниз, к самым пяткам, а следом по телу прокатилась горячая волна, кончики ушей и щеки мгновенно запылали огнем. При дневном свете он выглядел еще внушительнее, жестче и пугающе притягательнее, чем ночью. Четкая проседь на висках, резкая линия скул, тяжелые механические часы на запястье. Никакой растерянности, ни тени неловкости или удивления – только абсолютное, ледяное спокойствие человека, который привык держать под контролем каждый квадратный метр вокруг себя.

– Спасибо, Ева, дальше мы сами, – сказал он ровно. – Набери мне через час по поводу поставки мрамора в цоколь.

Ева коротко кивнула, бросила на меня еще один непроницаемый взгляд и бесшумно прикрыла за собой тяжелые двери, оставив нас вдвоем в огромном пустом зале.

Константин неспешно пересек комнату и остановился в паре шагов от меня. Я мертвой хваткой вцепилась в ремень своей сумки, лихорадочно пытаясь сообразить, как себя вести: сделать вид, что мы едва знакомы по семейным ужинам с Артемом, или просто молча ждать, что скажет он?

– Добрый день, Алиса, – произнес он официальным, безупречно вежливым тоном делового партнера, но его взгляд скользнул по моим губам, опустился ниже и задержался на высоком вороте моего свитера – ровно в том месте, где под плотной шерстью до сих пор горел след от его вчерашнего поцелуя. – Рад, что ваша мастерская взялась за этот объект. Потолок здесь сложный, своды высокие, требует твердой руки и терпения. Надеюсь, вы не боитесь высоты?

– Я... я справлюсь, Константин Сергеевич, – выдавила я, ненавидя себя за то, как предательски дрожит и срывается голос. – У меня большой опыт работы на лесах. Просто... я не знала, что заказчик – вы.

Он чуть склонил голову набок, рассматривая мое красное от смущения лицо, и в глубине его спокойных стальных глаз мелькнула та самая, пугающе знакомая усмешка.

– В этом доме многое оказывается не тем, чем кажется на первый взгляд, – сказал он негромко. Он сделал еще полшага ближе, нарушая деловую дистанцию ровно настолько, чтобы я снова уловила его запах – кедр, дорогой табак и свежесть осеннего утра. – Пойдемте к столу, я покажу вам архивные эскизы и акты. И, Алиса... – он понизил голос до того самого бархатного, гипнотического шепота, от которого у меня подкосились колени всего несколько часов назад. – В рабочих вопросах я действительно очень требователен. Но если вы будете стараться и не станете прятаться, я умею хвалить.

Глава 7. Вынужденная близость

Утром в субботу верхнее крыло особняка гудело как потревоженный улей. Рабочие заканчивали монтаж металлических лесов под самым куполом, Демид внизу сверял с главным инженером схему разводки скрытой проводки, а Ева с планшетом в руках методично фиксировала каждый этап приемки помещений. Для всех вокруг это был обычный, хоть и дорогостоящий ремонт исторического здания в центре города. Никто из них, кроме Евы, да и та лишь по косвенным признакам, не знал, что всего несколько часов назад в Северной гостиной этажом ниже я держал на весу почти обмякшую девушку, которая сейчас стояла у окна с тубусом в руках и делала вид, будто страшно увлечена изучением дефектной ведомости.

Я стоял в трех метрах от нее, скрестив руки на груди, и наблюдал за тем, как она пытается собрать себя по кускам. Получалось у нее паршиво, но она старалась. Глухой бежевый свитер с высоким воротом закрывал ее до самого подбородка, словно она натянула на себя шерстяной панцирь, пытаясь спрятать и следы моих губ на шее, и собственную растерянность. Волосы она стянула в тугой, почти монашеский узел на затылке, а на лице не осталось ни намека на вчерашнюю яркость. Классическая Алиса Белова из прошлой жизни, привыкшая не отсвечивать и никому не мешать.

Когда вчера вечером юристы принесли мне на подпись итоговый протокол закрытого тендера, я едва не рассмеялся вслух. Контракт с реставрационной мастерской Игоря Павловича был согласован и завизирован моим же департаментом еще в сентябре, когда я знал об Алисе только то, что она тихая невеста моего непутевого сына. Питерский подрядчик слетел в последний момент из-за разногласий по смете, и система автоматически вытянула из резерва второго участника, маленькую московскую артель, где главным специалистом по темперной живописи числилась она.

Утром, увидев ее фамилию в списке допуска на объект, я на секунду задумался, не дать ли команду отменить договор под любым благовидным предлогом. В «Бархате и Пепле» существовало негласное, но железное табу на перенос клубных историй за пределы нижних залов, тем более на смешивание их с бизнесом и уж точно на связь с бывшей женщиной собственного сына. Но стоило мне представить, как она развернется у порога, уйдет обратно в свою серую жизнь и снова начнет извиняться за то, что дышит, внутри все сжалось. Кроме того, резкий разрыв уже подписанного и оплаченного авансом контракта в день начала работ немедленно вызвал бы вопросы у Демида, а мне меньше всего хотелось посвящать партнера в то, что со мной происходит.

– Константин, акты по электрике и вентиляции я закрыла, – негромко произнесла Ева, подходя ближе. Ее янтарные глаза скользнули от моего лица к спине Алисы и обратно, и хотя взгляд у управляющей был слишком умным, чтобы не сложить два и два, субординацию она знала идеально. – Демид ждет тебя внизу через двадцать минут, привезли образцы травертина для холла, а строителей я отпустила до понедельника, чтобы не пылили, пока реставратор делает пробы грунта.

– Хорошо, передай Демиду, что я спущусь ровно в час, – ответил я, не меняя выражения лица. – И распорядись, чтобы на втором этаже сегодня больше никого не было, мастеру нужна тишина.

Ева коротко кивнула, бросила еще один быстрый взгляд на застывшую у окна Алису и вышла, плотно притворив за собой высокие двустворчатые двери. Звук ее шагов быстро затих на мраморной лестнице, оставляя нас наедине в огромном пространстве пустого помещения.

В зале с высокими сводами стало тихо, слышно было только, как за окном шелестит октябрьский ветер в кронах старых лип да тихо поскрипывают металлические стойки строительных лесов. Алиса даже не обернулась, она стояла ко мне вполоборота, глядя на распеча-

танные архивные фотографии купола, но по тому, как напряглась линия ее плеч под плотной вязкой свитера, я видел, что она кожей чувствует мое присутствие. Ее пальцы нервно теребили уголок плотного листа ватмана, а спина вытянулась в струну, словно она готовилась к допросу или экзамену, на котором заранее уверена в провале.

Я неспешно пересек зал, проверяя взглядом уложенные вдоль стен защитные маты и коробки с профессиональным освещением, которые рабочие успели занести с утра. Подойдя к лесам, я проверил надежность крепления боковой лестницы и поднялся на второй ярус, на высоту около четырех метров, прямо под центральный медальон потолка, где из-под слоя темной копоти проступал фрагмент старинного золоченого орнамента. С этой высоты весь зал лежал как на ладони, а утренний свет из стрельчатых окон падал прямо на побелку, обнажая каждую трещину и каждую неровность старой штукатурки.

– Поднимайтесь, Алиса, – сказал я сверху ровным, деловым тоном заказчика, которому важен только результат. – Мне нужно понимать, сколько времени займет расчистка этого участка и сможем ли мы сохранить родную позолоту без полной переклейки.

Она вздрогнула, медленно повернулась и посмотрела на меня снизу вверх, щурясь от света, падающего из высокого окна за моей спиной. В серых утренних сумерках зала ее глаза казались темными, почти черными, и на мгновение в них мелькнула чистая паника. Секунду она колебалась, словно взвешивая, не проще ли сейчас просто положить тубус на стол и сбежать под любым предлогом, но профессиональная гордость и ответственность перед мастерской перевесили. Она подхватила тяжелую рабочую сумку с инструментами, подошла к металлической лестнице и быстро, уверенно поднялась на настил, стараясь не смотреть мне в лицо.

Настил был узким, всего полтора метра шириной, огороженный металлическими поручнями по периметру, так что вдвоем нам здесь было откровенно тесно. Когда она шагнула на деревянные доски и закрыла за собой предохранительную скобу, между нами осталось меньше полуметра, и я снова уловил ее тонкий запах: смесь легкого цветочного мыла, осенней прохлады и того неуловимого, теплого аромата женской кожи, который всю ночь преследовал меня в собственной спальне.

– Вот этот участок, – я указал на темное пятно в центре свода, сохраняя на лице маску холодной вежливости. – В девяностые годы предыдущие владельцы закрасили его обычной водоэмульсионкой прямо по левкасу, так что нужно понять, сможете ли вы снять верхний слой, не повредив пигмент.

Алиса достала из сумки небольшую лупу с подсветкой, привстала на цыпочки и вгляделась в потолок, слегка прикусив нижнюю губу от сосредоточенности. Весь ее страх на мгновение отступил, и передо мной вместо зажатой девочки вдруг появился специалист, который знает свое дело до мельчайших деталей и не привык пасовать перед сложными задачами. Она достала из бокового кармана сумки пару тонких нитриловых перчаток, натянула их с сухим щелчком и осторожно коснулась кончиком пальца края старой трещины.

– Это не водоэмульсионка, Константин Сергеевич, – тихо, но уже гораздо увереннее ответила она, переводя луч маленького фонарика вдоль расходящейся сетки кракелюра. – Это дешевый акрил поверх клеевой побелки, который положили без предварительной грунтовки, поэтому он отошел пластами из-за перепада влажности в помещении. Если работать компрессами на основе дистиллированной воды и мягкими глазными скальпелями, мы снимем его чисто, примерно за неделю, не задев авторский слой. Золото здесь сусальное, конца девятнадцатого века, оно держится крепко, грунт под ним не осыпался, хотя в паре мест потребуется укрепление осетровым клеем.

– Отлично, значит сроки сдачи объекта до декабря вполне реальны, – сухо кивнул я, делая полшага в сторону, чтобы якобы лучше рассмотреть дальний угол свода, и оказываясь прямо за ее спиной.

Деревянный настил под ногами глухо скрипнул от сместившегося веса. Алиса опустила руку с лупой и попыталась развернуться, чтобы отойти к краю площадки и освободить мне проход, но не рассчитала узкое пространство и уперлась спиной прямо в мою грудь.

Она замерла, словно наткнулась на бетонную стену. Я почувствовал, как мгновенно сбилось ее дыхание, ровно так же, как вчера ночью в Северной гостиной, когда я расстегивал потайную молнию на ее черном шелковом платье. Ее лопатки напряглись, а голова дернулась в сторону, будто она искала глазами путь к отступлению, которого на узкой площадке под самым куполом просто не существовало.

– Простите... – выдохнула она по старой, въевшейся в подкорку привычке, дернувшись вперед, к самым перилам.

Моя рука среагировала быстрее, чем я успел обдумать это движение. Я перехватил ее за талию жестко и надежно, не давая навалиться на шаткое металлическое ограждение, и притянул обратно к себе, прижимая ее спину к своему корпусу. Сквозь плотную шерсть бежевого свитера я чувствовал жар ее кожи и то, как бешено, словно пойманная в ладони птица, колотится ее сердце.

– Кажется, вчера мы договорились, что за каждое «прости» я буду начинать все сначала, – произнес я тихо, наклоняясь так, чтобы губы почти касались ее уха. Голос сам собой упал на октаву ниже, теряя всю деловую сухость и обретая ту самую низкую, вибрирующую интонацию, от которой у нее ночью подкашивались колени. – Или при дневном свете память отшибает, Алиса?

Она судорожно втянула воздух, ее пальцы в белой перчатке до хруста сжали металлический поручень, словно она боялась, что без этой опоры просто рухнет на доски.

– Константин Сергеевич, мы на объекте, здесь могут войти в любую секунду... – прошептала она сбивчиво, не поворачивая головы, но я видел, как густым, лихорадочным румянцем заливаются ее шея и мочка уха, выбившаяся из-под тугого пучка.

– Дверь закрыта, рабочих до понедельника не будет, а Ева без стука никогда не входит, – так же тихо ответил я, не убирая ладони с ее талии и медленно ведя большим пальцем по линии ребер поверх мягкой шерсти. – И не прячься в этот свитер, Алиса. Ты выглядишь так, будто собралась на полярную станцию, хотя еще семь часов назад стояла передо мной без всего, смотрела в зеркало и просила не останавливаться.

– Я не просила... – выдохнула она, но голос предательски сорвался на тихий, приглушенный стон, когда я чуть сильнее сжал пальцы на ее боку и прижался бедрами к ее ягодицам, не оставляя ни миллиметра свободного пространства между нами.

– Не ври хотя бы самой себе, – усмехнулся я ей в висок, вдыхая чистый, чуть терпкий запах ее волос, смешанный с запахом старой известки и мела. – Я помню каждый звук, который ты издала в той комнате, и ты его тоже помнишь, иначе не дрожала бы сейчас так, будто у тебя температура под сорок.

Я видел, как ее дыхание становится все более поверхностным и рваным, как приподнимается и опускается грудь под плотным трикотажем, а пальцы на поручне начинают мелко подрагивать. Мне стоило огромных усилий удержать себя в руках и не развернуть ее к себе прямо здесь, на этих чертовых лесах, чтобы снова увидеть тот темный, затуманенный взгляд, который снился мне остаток ночи. Но дневное время диктовало свои правила: внизу ждал Демид, через пару часов должны были привезти образцы камня, а ломать ее психологически, превращая рабочее место в ловушку, я не собирался. Мне нужно было, чтобы она сама захотела вернуться вниз, в Северную гостиную, без принуждения и страха.

Я медленно разжал пальцы и отступил на шаг назад, возвращая ей личное пространство и снова надевая маску безупречного, требовательного заказчика. Алиса стояла у перил, тяжело дыша и глядя в пол, словно у нее только что выбили почву из-под ног и ей требовалось время, чтобы снова научиться стоять ровно.

– Жду подробную смету по расходным материалам в понедельник к десяти утра у себя в кабинете, – ровно произнес я, направляясь к боковой лестнице и проверяя рукой надежность крепления перил. – И насчет этого свитера, Алиса, я говорю совершенно серьезно: на объекте довольно душно, когда включают отопление на полную мощность. Снимите этот панцирь, вы здесь работать приехали, а не оборону держать от всего мира.

Спускаясь по металлической лестнице вниз, я поймал себя на том, что впервые за много лет улыбаюсь без всякой видимой причины. Двойная жизнь, которую я так тщательно выстраивал шесть лет, разделяя бизнес, семью и закрытый клуб бетонными стенами, дала первую трещину, и, как ни странно, это не вызывало у меня ни малейшего сожаления. Игра, которую я сам же объявил закрытой, только начиналась, и теперь ставки в ней были куда выше, чем я мог предположить еще сутки назад.

Глава 8. Краска и золото

К понедельнику я твердо решила, что буду вести себя как безупречный профессионал и ничего больше. Никаких воспоминаний о пятничной ночи, никакого предательского румянца при звуке его шагов и никаких дрожащих рук, когда он подходит ближе чем на два метра. Он строгий заказчик, я наемный реставратор, и между нами четыре метра металлических строительных лесов, банки с растворителем, набор тонких беличьих кистей и четкий график сдачи объекта. Все остальное было просто случайной вспышкой на фоне чудовищного стресса и предательства Артема, которую нужно запереть в дальнем ящике памяти и никогда оттуда не доставать.

Правда, глухой бежевый свитер с высоким горлом я все-таки сменила на обычную свободную хлопковую рубашку с закатанными до локтей рукавами, потому что в зале действительно топили на совесть, а работать в духоте с капризными темперными пигментами было физически невозможно. Застегнув воротник на все пуговицы, кроме самой верхней, я убедила себя, что делаю это исключительно ради удобства и соблюдения техники безопасности на высоте.

Первые три дня недели прошли в таком бешеном рабочем ритме, что времени на панику и самокопание почти не оставалось. Стоило мне подняться на деревянный настил, включить направленный свет реставраторских галогенных ламп и взять в руки тонкий скальпель, как весь остальной мир со всеми его проблемами переставал существовать. Роспись под сводом верхнего зала оказалась настоящим музейным сокровищем, о котором мечтал бы любой специалист нашего профиля. Когда я слой за слоем, миллиметр за миллиметром сняла грубую позднюю побелку и слой дешевого акрила, из-под них проступили тончайшие растительные арабески, выполненные в редкой технике яичной темперы с вкраплениями сусального золота и натурального тертого лазурита. Краски не выцвели за сто с лишним лет, под слоем копоти и пыли они сохранили ту глубокую, бархатную яркость и чистоту тона, которую умели добиваться только старые дореволюционные мастера.

Я забывала про обед, про вибрирующий в сумке телефон и про то, что нахожусь в особняке человека, от одного низкого голоса которого у меня по коже бежали мурашки. Здесь, наверху, под самым куполом, я не была ни «удобной девочкой», ни брошенной перед самой свадьбой невестой, ни растерянной гостьей закрытого клуба. Здесь я точно знала, что и зачем делаю, и каждое движение моей руки было выверенным, точным и смелым. Когда работаешь с хрупким старым левкасом, нельзя сомневаться или суетиться, потому что любое неуверенное движение скальпеля может срезать авторский слой до самого грунта, и здесь моя природная сосредоточенность превращалась в главную силу.

Константин появлялся в зале каждый день ближе к вечеру, когда основные строительные бригады внизу заканчивали смену и в здании стихал шум перфораторов. Он не стоял над душой, не задавал дилетантских вопросов и не давал глупых советов, как это любят делать богатые клиенты, начитавшиеся сомнительных статей в интернете. Он просто поднимался по металлической лестнице на леса, садился на край широкого деревянного ящика для инструментов, прислонившись спиной к вертикальной стойке, и молча смотрел, как я работаю.

Сначала это сводило меня с ума и заставляло напрягаться каждой мышцей. Под его пристальным, спокойным взглядом пальцы начинали мелко дрожать, а тонкая кисть норовила соскользнуть с изгиба орнамента. Но он не делал ни одного двусмысленного намека, не нарушал рабочую дистанцию и говорил исключительно о технологии: спрашивал о составе связующего грунта, о том, как будет вести себя восстановленная позолота при зимних перепадах температуры, и сколько еще книжек сусального золота нужно заказать у поставщиков. Постепенно напряжение отпустило, и я перестала болезненно реагировать на его присутствие, полностью уходя в работу и даже начиная ценить эту молчаливую, спокойную поддержку.

В четверг вечером на город обрушился затяжной холодный осенний ливень. За высокими стрельчатыми окнами стемнело уже к шести часам, тяжелые капли монотонно барабанили по металлическим отливам, а в огромном пустом зале горели только мои яркие направленные прожекторы, выхватывая из густого полумрака сияющий золотой купол и металлические конструкции лесов. Все сотрудники особняка давно разошлись по домам, внизу в клубе еще не начался ночной прием гостей, и в старинном здании стояла густая, обволакивающая тишина, нарушаемая только шумом дождя за стеклом.

Я так увлеклась расчисткой центрального медальона с изображением райской птицы, что совершенно потеряла счет времени и не услышала негромких шагов на мраморной лестнице. Очнулась я только тогда, когда внизу щелкнул замок массивной двери, а следом по залу поплыл совершенно не строительный, головокружительный запах горячего запеченного мяса, свежего хлеба и пряных трав.

– Вы сегодня с десяти утра наверху, Алиса, – раздался снизу спокойный, чуть хрипловатый голос Константина. – Ева сказала, что к обеду вы даже не спускались в буфет, а термосом с чаем долго сыт не будешь. Если вы грохнетесь с четырехметровой высоты от голодного обморока, мне придется экстренно искать нового подрядчика, а в мои планы это не входит, так что спускайтесь немедленно.

Я опустила руку с тонкой беличьей кистью, выключила налобный фонарь и с удивлением посмотрела на наручные часы: половина девятого вечера. Спина ныла от многочасового стояния с запрокинутой головой, шея затекла так, что было больно повернуть ее в сторону, а желудок при упоминании горячей еды отозвался громким, предательским урчанием.

Я вытерла перепачканные в синем пигменте и клею пальцы влажной салфеткой, спустилась по металлической лестнице на пол и замерла у стола. На длинном рабочем столе, заботливо освобожденном от рулонов кальки, чертежей и банок с растворителем, стояли две большие керамические тарелки, прикрытые крышками, плетеная корзинка с горячими лепешками и стеклянный графин с темным ягодным морсом. Это была простая, основательная еда из хорошего ресторана, безо всякого показного пафоса, свечей и хрустальных бокалов, от которого я бы сразу почувствовала себя не в своей тарелке.

Константин уже снял пиджак и галстук, расстегнул верхнюю пуговицу темно-синей рубашки и закатал манжеты до середины предплечий. Он придвинул мне тяжелый деревянный стул, а сам сел напротив, небрежно пристроившись на край свободного стола и скрестив длинные ноги в темных брюках.

– Ешьте, пока не остыло, это официальный приказ заказчика.

Я неуверенно села, взяла тяжелую металлическую вилку и попробовала первый кусок нежной запеченной телятины с розмарином. Только сейчас, почувствовав вкус горячей еды, я осознала, насколько сильно вымоталась за эти четыре дня бесконечной гонки. Несколько минут мы провели в полном молчании: Константин не торопил меня расспросами и не смотрел в рот, он просто пил воду из высокого стакана и просматривал какие-то рабочие отчеты в телефоне, давая мне спокойно поужинать.

– Вы удивительно меняетесь, когда берете в руки кисть, – негромко произнес он, когда я наконец отодвинула пустую тарелку и сделала глоток прохладного клюквенного морса.

Я подняла на него глаза, невольно насторожившись и снова чувствуя, как внутри натягивается невидимая струна:

– В каком смысле?

– В обычной жизни вы все время сжимаетесь, словно пытаетесь занять как можно меньше пространства в комнате, – спокойно ответил он, глядя мне прямо в глаза без привычной ироничной усмешки, очень серьезно и внимательно. – Говорите тише, чем можете, двигаетесь осторожно, как будто боитесь случайно задеть дорогую хрустальную вазу, и вечно готовы извиниться. А наверху, под куполом, вы настоящая хозяйка положения: движения резкие, уве-

ренные, взгляд жесткий, и вы совершенно не боитесь ошибиться, когда работаете с краской. Почему с живыми людьми вы ведете себя так, словно постоянно виноваты в самом факте своего существования?

Этот прямой, лишенный всякой светской шелухи вопрос застал меня врасплох. В полумраке огромного пустого зала, под монотонный шум осеннего дождя за высокими окнами, наш разговор вдруг перестал быть беседой строгого заказчика и наемного исполнителя. Голос Константина звучал слишком тихо, слишком близко и попадал ровно в ту болезненную точку, которую я всю жизнь старательно прятала даже от самой себя.

Я опустила взгляд на свои руки, лежащие на краю стола. На костяшках пальцев и под коротко остриженными ногтями застыли крошечные синие и золотые пятна краски, которые не отмывались до конца никаким мылом и выдавали мою профессию с головой.

– Наверное, это просто старая привычка из детства, – тихо ответила я, сама не до конца понимая, зачем вообще начинаю ему это рассказывать, но чувствуя странное облегчение от того, что могу произнести это вслух. – У меня мама очень тревожный, мнительный человек. После того как отец ушел из семьи в другую жизнь, когда мне было всего семь лет, весь ее мир замкнулся исключительно на мне. Она боялась буквально всего: что я простужусь на сквозняке, что упаду с велосипеда, что свяжусь с плохой компанией или меня кто-то обидит в школе. Любая моя яркая эмоция, будь то громкий смех, детская злость или слезы обиды, вызывала у нее настоящую панику, сердечные капли и давление под двести. Я очень быстро поняла простую закономерность: дома будет спокойно и мама не станет плакать только в одном случае, если я буду максимально тихой. Буду хорошо учиться, не стану спорить по пустякам, не буду просить лишнего и научусь заранее угадывать, чего от меня ждут взрослые, чтобы соответствовать этим ожиданиям.

Константин молчал, не перебивая и не пытаясь вставить дежурные слова утешения, но я физически чувствовала, как глубоко и внимательно он вслушивается в каждую мою фразу.

– А потом в моей жизни появился Артем, – я горько усмехнулась, машинально крутя в пальцах бумажную салфетку. – И оказалось, что ему нужно ровно то же самое, только в другой обертке. Ему требовалась красивая, воспитанная, удобная девушка из интеллигентной семьи, которая не устраивает громких сцен, не требует постоянного внимания, не мешает ему строить карьеру и всегда со всем соглашается. Я три года старалась быть для него идеальной, подстраивалась под его график, его друзей и его настроение. И только в прошлую пятницу, после того разговора, вдруг поняла, что меня самой в этой жизни вообще не осталось, есть только набор чужих правил и ожиданий.

В зале повисла долгая, плотная тишина. Слышно было только, как за окном порывистый ветер бросает в стекло пригоршни тяжелых дождевых капель да тихо гудит старая чугунная батарея у стены. Константин отложил телефон на край стола, медленно поднялся и подошел ко мне. Он остановился совсем рядом со стулом и осторожно, почти невесомо коснулся кончиками пальцев моего подбородка, мягко приподнимая мое лицо к свету.

В его жесте не было никакого властного натиска или жесткой игры, как в пятницу вечером у ростового зеркала в Северной гостиной. В его серых глазах сейчас читалось столько спокойного, твердого тепла и искреннего понимания, что у меня на секунду перехватило дыхание и защипало в глазах.

– Знаешь, что самое забавное во всей этой истории, Алиса? – тихо сказал он, впервые переходя на «ты» не как хозяин закрытого клуба во время сессии, а как обычный мужчина, которому не все равно. – Настоящая ты, та самая женщина, которую я видел сегодня днем на лесах и в пятницу в гостиной, в тысячу раз интереснее, глубже и сильнее той удобной фарфоровой куклы, которую годами пытались слепить твоя мать и мой сын. Тебе больше не нужно ни под кого подстраиваться и ломать себя, по крайней мере, пока ты находишься здесь, в этом доме.

Он провел большим пальцем по моей скуле, медленно и бережно, словно стирая невидимую пыль, и внизу живота у меня мгновенно отозвалось то самое сладкое, тянущее тепло, от которого я так тщетно пыталась сбежать всю эту долгую рабочую неделю. Я смотрела на него снизу вверх, чувствуя, как сердце бьется ровно и глубоко, а внутри впервые за много лет появляется ощущение твердой почвы под ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.